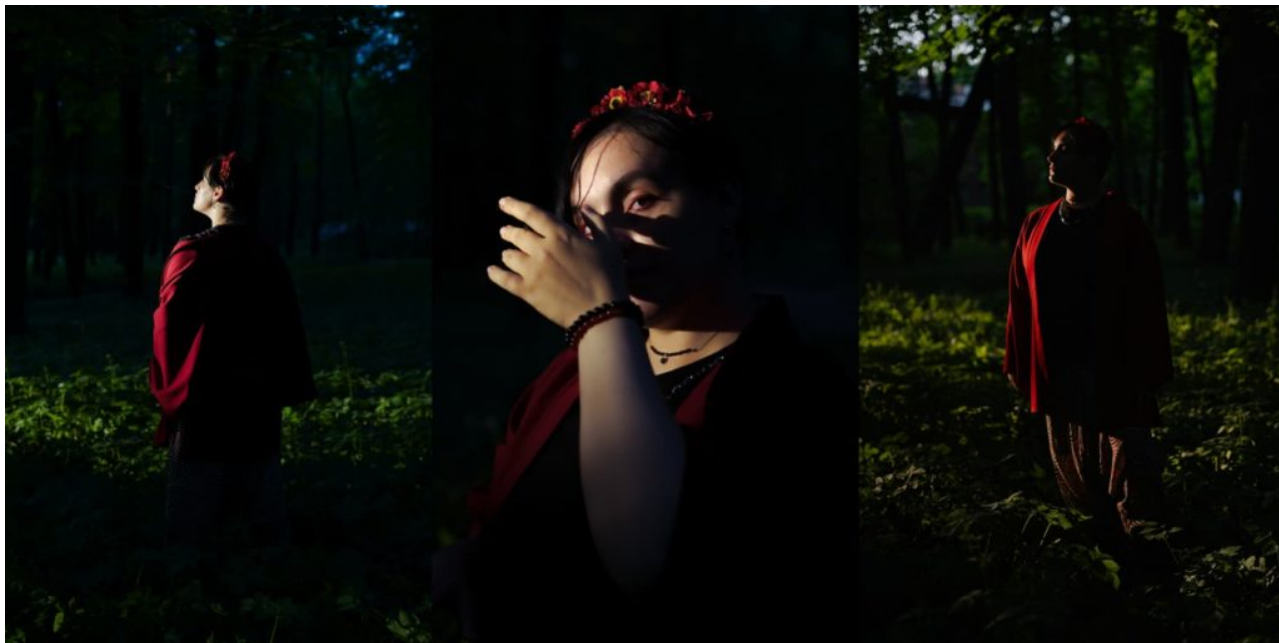

«Мы же всё равно никуда не денемся»

9 августа 2023

Журналистка «Новой вкладки» Лидия Кроноцкая поговорила с квир-людьми, остающимися в России, — о том, каково жить в стране, где тебе нельзя вступать в брак, открыто обсуждать личную жизнь и усыновлять детей, зато нужно скрываться от гомофобных коллег и доносов.

В июне 2023 года, когда традиционно отмечается «месяц гордости» лесбиянок, геев, бисексуалов, трансгендеров и квиров, российские депутаты приступили к рассмотрению законопроекта о запрете «смены пола». За полгода до этого в стране начал действовать закон против ЛГБТ-пропаганды, педофилии и «смены пола» среди российских граждан любых возрастов.

Когда обсуждался закон о запрете транс-переходов, депутаты получили «очень эмоциональное заключение Минздрава». Так, политик Пётр Толстой, который представлял [законопроект](#) на заседании Госдумы, сказал об опасениях врачей: те предупредили о возможном росте суицидов из-за запрета на проведение медицинских процедур, необходимых для транс-перехода. 24 июля закон о запрете «смены пола» был подписан президентом и вступил в силу.

Но ЛГБТ-сообщество из России никуда не делось. Организации, которые поддерживают людей во время прохождения медицинской комиссии, всё ещё работают и продолжают принимать выросший, по словам самих квиров, поток заявок. Остались в стране и ЛГБТ-блогеры, которые продолжают рассказывать о квир-событиях. Ведущие подкастов о жизни людей с гомосексуальной и бисексуальной ориентацией приглашают в студии новых гостей. ЛГБТ-активисты находят возможность помочь другим в группах поддержки. «Новая вкладка» поговорила с ними, чтобы узнать, каково это — до сих пор открыто работать в России.

Елена Догадина, журналистка, ведущая квир-подкастов и основательница канала «Будни лесбиянки»

В своём подкасте «Пути принятия» Елена, открытая лесбиянка, разговаривает с другими квирами. Позже на основе этих разговоров она планирует сделать антропологическое исследование. Один раз, в феврале 2023 года, подкаст уже блокировали, сейчас он выходит под названием «Полоса Александра». Сразу после блокировки Елена предложила возможность каждому из героев убрать выпуски с ними из соображений безопасности. Ни один из них свой разговор удалять не согласился. Да и вообще, по словам Елены, желающих поговорить, даже из тех, кто остался в России, меньше не стало.

О реакции на закон

— Я выбираю публично говорить более спокойные вещи, чем я могу внутри чувствовать, потому что я в России осталась, я здесь работаю, здесь что-то делаю, здесь говорю с квирами. Я стараюсь избегать всех этих вопросов типа «а представьте, что следующий шаг — это концлагерь послезавтра?» или «а как вы думаете, как быстро нас начнут валить и убивать?». Этот вопрос может быть абстрактным, если ты не в России, но если ты в России, то думать об этом каждый день — рехнёшься. Я выбираю думать только о том, что случилось, и пытаться смотреть на то, как это будет применяться.

Свою сексуальную ориентацию Лена начала осознавать с одиннадцати лет. Как делать свою работу, насколько тихо и насколько аккуратно — это буквально всё, чем я сейчас занята. Пытаюсь обдумать, какое действие ещё можно, а какое — нельзя.

Этот закон [о запрете транс-переходов] тоже ужасен, как и первый [о запрете ЛГБТ-пропаганды]. К нему привыкли — какая разница? Херово, что есть первый закон. Второй не делает всё как-то особенно хуже. У нас уже одинаково херово давно. С тех пор, как у нас нет никаких прав.

О блокировке

— Подкастный сайт был без самих выпусков. Там был плеер, но там были просто описания выпусков. Было очень смешно, что для примера они [Роскомнадзор] выбрали три выпуска. Про то, что у лесбиянок в длительных отношениях исчезает секс; мой выпуск, где я говорю со своим отцом; и выпуск, который называется «Идеальный секс», но они его не слушали и не читали. Потому что он вообще-то показал: лесбиянки плохо говорят про свой опыт, и самые яркие описания там от бисексуальных женщин про мужчин. Они [Роскомнадзор] не слушали эти выпуски, но всё равно попросили заблокировать. И сам факт того, что я говорю о себе и я говорю с отцом, — для них это «фу, запрещённая информация, удалите». И это невероятно раздражает, нервирует, бесит и пугает, потому что это буквально моё говорение о себе. И к нему тоже можно прийти.

Это пока просто блокировки, как будто с административкой будет сложнее доказывать, что я точно автор подкаста. Я обсуждала с юристами: оказывается, если подкаст только лежит на площадке и я условно говорю, что это мой подкаст, это всё ещё не значит, что можно подать в суд. То есть для дела нужно точно доказать, что это мой подкаст. Поэтому, когда я говорила, что хочу оспаривать блокировку, меня предупреждали, что тогда мне придётся доказывать, что подкаст принадлежит мне. И если я сама это подтверждаю, прокуратуре будет легче прийти ко мне с административкой.

О переезде и возвращении

— Это был март, когда принимали истеричные решения все. И мы с девушкой очень много разговаривали о том, чтобы уехать. Тогда всё было в формате: если мы не уедем сегодня, то границы закроют завтра. И нужно было

принять решение за два дня. И тогда же я начала видеть одних и тех же людей в трениках у себя в подъезде. Одинаковых, которых я не встречала до и после, которых я не видела никогда. Я ещё ходила на акции протеста, подумала, что эти типы могут быть связаны с этим.

В итоге мы уехали. Но с девушкой мы расстались друзьями. А без девушки-айтишницы, когда ты независимая журналистка, жить не в России просто тяжело. И я ещё раз поняла, что я не собиралась уезжать, только если когда-нибудь [учиться] в магистратуру. Я тогда с юристами советовалась, как мне возвращаться. Это было всё в формате кино: секретно, с кнопочным телефоном. Меня ждали адвокаты на случай, если меня задержат прямо на границе, поскольку о заведённом деле можно было узнать только при её пересечении. Я не могла представить, что дальше аэропорта у меня вообще будет жизнь.

Лена вспоминает, как в школе научилась быть самой крутой, чтобы любая девочка, которая ей понравилась, хотела с ней дружить

Это было стрессово и непонятно, но предполагалось, что, если мне дадут пройти в аэропорту, значит, в ближайшее время я никого не интересую. И вот я подумала, что если я никого не интересую, то я останусь до тех пор, пока не заинтересую. Это сейчас и происходит.

Мне все говорили об этом отъезде как о решении на всю жизнь. Вот ты сейчас уехал — и ты предал страну. Или ты сейчас вернулся — и тут же сел. Всё было так пафосно. Но [один раз] уехать и приехать — в целом помогает понять, что это всё отменяемые действия. Это способ вздохнуть. Пока я чувствую, что могу оставаться, я буду оставаться здесь. Медленно делая то, что делала. Да, в десять раз медленнее, оглядываясь. Никаких эффектных пафосных действий и никакого планирования дальше месяца. Вот так оказалось, что в России находиться нормально. По крайней мере, мне.

О продолжении своей деятельности в России

— Я отказываюсь считать, что разговор лесбиянки с квир-людьми — это нарушение закона. Это узкий контент, который интересен только нам. Мой подкаст впервые вошёл в чарты, когда ко мне набежали тролли, потом нас заблокировали в «Яндекс.Музыке» и про меня написали СМИ. Буквально гомофобы сами вывели мой подкаст в чарты в первый раз, до этого его слушали полтора землекопа. Он интересен только нам.

Я не делаю контент, который бы рассказывал гетеросексуальным людям, что геи имеют право существовать. Мне неинтересно это делать. Я готова писать такие статьи для СМИ или что-то такое, но я хочу делать контент для своих. Я продолжаю это делать сейчас, отказываясь считать, что это пропаганда.

У тех, с кем я говорю, кто старше, блин, 26 лет, — у них не было никакого ЛГБТ-контента, и при этом им ничего не помешало понять, геи они или не геи. Мне отсутствие контента не помешало понять, что я лесбиянка. Это приводит только к тому, что ты понимаешь это долго, по-дурацки и со стрессом. И заставляешь себя делать дурацкие вещи. Например, пытаться насиловать себя сексом с мужчинами, потому что так надо и надо что-то почувствовать. Но и без никакой информации я всё чувствовала

и понимала, что со мной. Я понимала, что мне нравятся женщины, с 11 лет.

Кортесс, Instagram-блогер, закрывший аккаунт после суда

Редакция использует псевдоним героя по его просьбе. 23-летний молодой человек, живущий в одном из северных регионов России, получил штраф в 100 тысяч рублей после публичного каминг-аута. В том, что он гей, начинающий блогер признался во время прямой трансляции в Instagram, где он общался со своими подписчиками. Выплатив штраф, Кортесс остался жить в России, но после случившегося ему трудно найти работу в родном городе и быть открытым к людям.

О прямой трансляции с публичным каминг-аутом

— Я был начинающим блогером. У меня была своя аудитория, три-четыре тысячи человек. Моя страница в Instagram была закрытая, там были все взрослые, и с фейковых страниц никто не был подписан. Однажды я вёл прямой эфир и общался с ребятами. Там были разные темы. И кто-то заинтересовался моей ориентацией. Я человек достаточно открытый, мне нечего скрывать, и я начал всё рассказывать: как у меня всё начиналось, почему я стал таким, какой у меня был опыт. Все мои прямые эфиры не начинались сразу с этой темы, конечно, но людей это интересовало.

Когда я начал говорить о своей сексуальной ориентации, кто-то из моих подписчиков сделал запись экрана и начал отправлять её по всяким пабликам и чатам. Через некоторое время в полицию написали анонимное заявление о том, что я пропагандирую ЛГБТ среди несовершеннолетних. Когда меня нашли, я сидел дома в своём селе. Меня увезли в отдел и рассказали, в чём дело. Объясняли, что я пропагандирую ЛГБТ и вызываю у подростков интерес к этому. Я доказал обратное, показал, что у меня среди аудитории не было несовершеннолетних, — я знал, кто на меня подписан. На следующий день мне уже сказали, что я пропагандирую ЛГБТ среди совершеннолетних.

Человек, сделавший запись экрана, сделал её именно в тот момент, когда я говорил не очень хорошие слова про себя, про свой интимный опыт.

И люди, посмотревшие отрывок записи, наверное, подумали, что я эфир начал прям с этого. Я ничего не смог доказать, меня вызвали в суд.

О поддержке общественности

— Меня оштрафовали на 100 тысяч. А я был один, то есть адвокатов у меня не было, никого не было. Я объяснял в суде, что со своей мамой я не общаюсь с шестнадцати лет, так как она очень много выпивала. А отец у меня умер ещё в 2018 году. Я обратился к местному активисту, он рассказал в интернете о моей ситуации, подкрепил всё документами. За один день люди собрали 100 тысяч, и я оплатил штраф. Я был очень рад. Вообще думал, что всё: меня посадят или отправят куда-нибудь. У нас есть тут общественники, которые поддерживают традиционные устои. Мне угрожали. Людям ведь не объяснишь всего, они начинали гнобить меня после того, как узнали о моей ориентации. Одно время я жил у подруг: то у одной, то у другой, то у третьей. Скрытно ходил по городу.

О последствиях

— Я думал, что скоро все обо всём забудут. Но и сейчас некоторые люди, сохранив ту трансляцию, продолжают её публиковать по местным каналам. Мне сложно найти работу, потому что люди уже знают, кто я. Они видят меня уже не как человека. А доказывать кому-то что-то каждый день я не могу.

Теперь у меня уже фобия на людей. Мне страшно, что я не так себя покажу, не так повлияю на них. Страшно с людьми общаться. В суде я рассказал всю правду — а зачем мне врать? Женщина в суде была хорошая, она всё понимала. Она мне объяснила: «Ты, мальчик, всё-таки находишься в России. К сожалению, у нас таких не очень принимают». Я, конечно, это и так понимал, но я не думал, что будет всё так серьёзно. После суда я понял, что не стоит быть таким открытым человеком. С детства у меня есть надежда, что люди меня в этой жизни поймут и будут принимать меня таким, какой я есть. Но как-то всё не так пошло.

О реакции на закон

— Мне бы хотелось, чтобы люди — такие, как я, — сильно себя не афишировали и не показывали, как это сделал я, не вели себя, как я. Потому что последствия могут быть плохими.

Лео, иллюстратор и ведущий групп поддержки небинарной инициативы СНеГ

Когда закон против ЛГБТ-пропаганды только начали продвигать в России, 27-летний демисексуал Лео (про себя он говорит, что «не определился с микролейблом») присоединился к активистам. Стал вести группы поддержки от небинарной инициативы СНеГ, которые раньше посещал как участник. Группы поддержки СНеГ — это онлайн- и офлайн-встречи для небинарных и нейроотличных людей, людей с ментальными расстройствами, трансгендерных активистов и активисток. Сейчас в планах Лео ещё один проект: написать портреты квир-людей и, возможно, в будущем создать из них выставку.

«Цветник» — так Лео описывает атмосферу разнообразия в художественном лицее, где он учился. Он вспоминает, что чудиками там скорее выглядели ребята, которые не принадлежали ни к одной из субкультур и носили ничем не примечательную одежду

О реакции на закон против ЛГБТ-пропаганды

— Лично я весь период, когда принимали закон, был на измене. Меня колошматило от ярости до страха. Мне хотелось плакать, бить — желательно тех, кто это придумал. Поскольку лента была заполнена квирфобными высказываниями разных депутатов, я не мог спокойно читать, что происходит у моих друзей, чтобы не наткнуться на это дерьмо, которое меня выводило на эмоции. Я помню, что у меня обострилось расстройство пищевого поведения в тот период. Я тревожился, злился и заедал эмоции. Одновременно с этим у меня возникла злоба и желание что-то делать — и больше общаться с квир-сообществом.

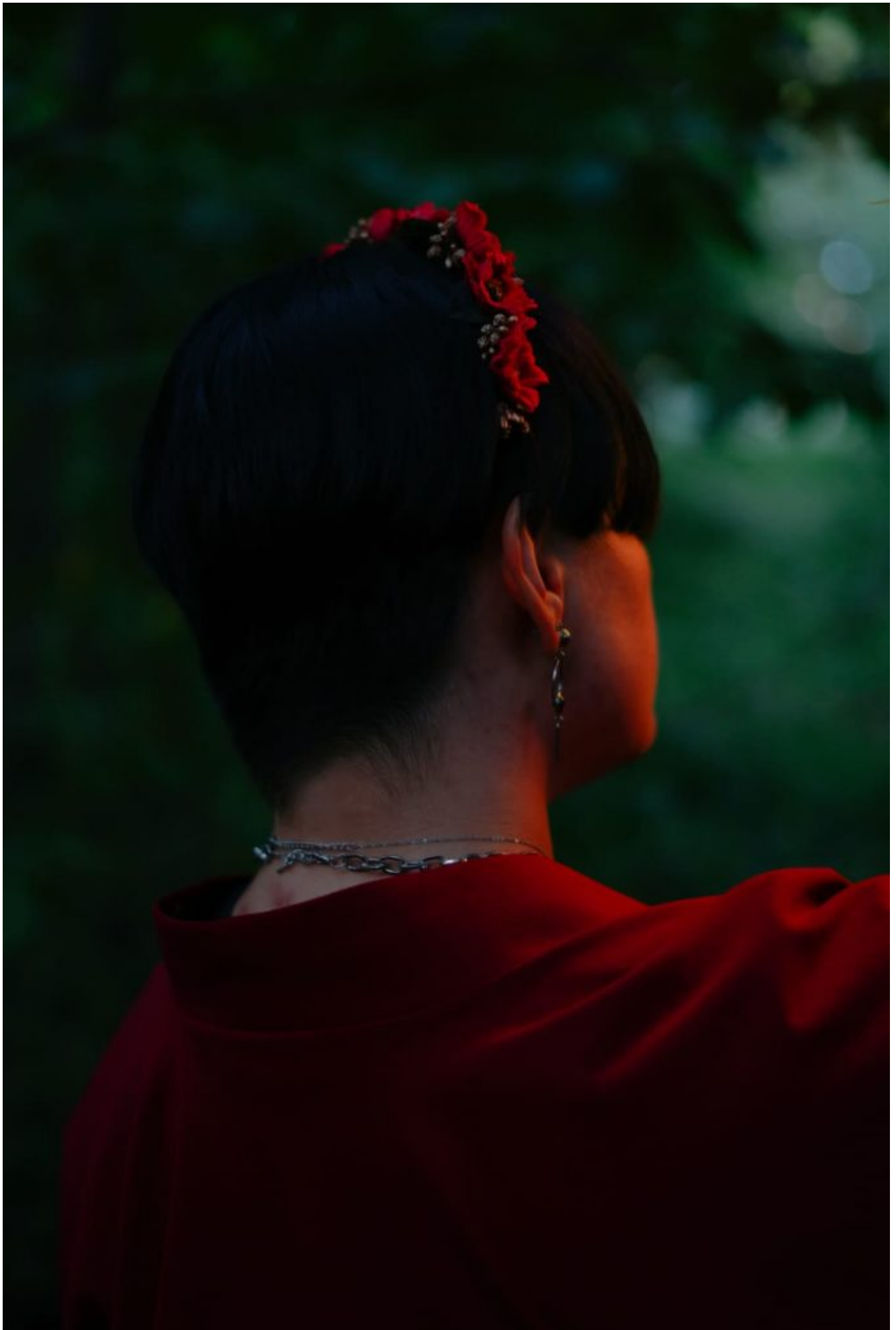
Об активизме

— Когда этот закон только начали продвигать и делали это всё активнее, я стал вести группы поддержки. Это было моё ответное действие. Для меня сидеть и ничего не делать, а просто бояться — это более страшно, чем, возможно, лезть на рожон, но что-то делать. Потому что так я себя, по крайней мере, чувствую живым. Я хочу до того, как все рассосались по укрытиям, найти какой-то коннект с сообществом.

О творчестве

— У меня сдержанная агрессия, но поскольку я не могу найти конкретные действия, она меня жрёт изнутри. Я чувствую, что во мне копится очень много эмоций, которые трудно выразить путём неживой живописи, диджитал-арта. Потому что там ты сидишь мирно с планшетиком и тыкаешь в него. А масляная живопись — это холст, живые краски, больше экспрессивности в выражении эмоций. Это реальное физическое действие.

Я как-то купил себе книгу «Краткая история квир-искусства». Там рассказывается, как квир прокрадывается в неочевидно квинные произведения искусства, в нашу жизнь, и оставляет там следы. И моя идея с портретами была вдохновлена этим же.

Сейчас Лео ищет способы, как помочь себе и квир-сообществу, а ещё как продолжать самовыражаться и оставлять след в искусстве

О видении будущего ЛГБТ в России

— Я думаю, качество нашей жизни явно станет хуже. Хотя куда ещё катиться, непонятно. Мне кажется, квир-культура возродится в том виде, в котором она была в XX веке с подпольными секретными местечками. Мы же всё равно никуда не денемся. Возможно, будем жить более подпольным образом. Придётся опять вернуться к невербальным знакам, как в самые тяжёлые времена, когда вообще нельзя было сказать вслух, кто ты и что ты. Но у нас есть интернет, и я вижу выход в распространении информации, потому что цензуру нормально не ввести. Новое поколение всё равно так или иначе наткнётся на информацию.

Я очень надеюсь (хотя на что можно надеяться?), что не введут какую-нибудь статью, как в СССР за мужеложество, предписывающую сажать геев. У меня миллениальский подход, я детство прожил без интернета. И, кажется, можно просто выйти и крикнуть: «Эй! Кто тут геи? Выходите гулять во двор».

Трики, автор текстов и ведущий чаепитий в небинарной инициативе СНеГ

Трики — агендер, это значит, что она/он считает себя человеком без гендера. В разговоре о себе Трики использует оба местоимения: и «он», и «она». Трики пришла в СНеГ ровно год назад, чтобы посещать группы поддержки, а потом стала помогать команде. Признаётся, что если бы не координаторы и коллеги из инициативы, то его «уже не существовало бы». Сейчас Трики пишет тесты и делает переводы для команды, а совсем недавно начала вести небинарные прайд-чаепития — живые встречи с участниками групп поддержки.

Трики уверен_а, что он_а в любом случае продолжит бороться за права человека

Об активизме

— За этот год я понял, что помогать людям, быть с людьми, помогать самому сообществу — это очень классно, просто энергетически классно, непередаваемо. Ты видишь обратную реакцию, и это даёт тебе стимул двигаться дальше. Ни в каких инициативах я не видел, чтобы так общались и проводили столько групп поддержки. Сейчас у нас четыре-шесть групп в месяц: по психологической поддержке для людей с ментальными расстройствами, для небинарных личностей, для нейроотличных людей, плюс мы запускаем чаепития и продолжаем выпускать медиа-материалы, например о самопомощи.

О гомофобии

— Люди пытаются докопаться до всего сейчас. Потому что все устали, от власти в том числе. И никто не знает, что с этой усталостью делать. Она очень давит. У нас, знаете, никто не понимает, как отдохнуть, а с помощью гомофобных нападок они выпускают свой гнев на более слабый слой общества. На более незащищённый. Когда ты злишься, тебе легче. А на кого сейчас можно больше всего выпускать агрессию? Так на ЛГБТ-сообщество!

Больше всего активист_ку мотивирует обратная связь от участников групп поддержки и друзей, которые обращаются к Трики за помощью

О видении будущего ЛГБТ в России

— Будет тяжело, особенно с принятием себя. Мы не можем сейчас смотреть «в будущее», мы сейчас смотрим в глубокую неизвестность и не знаем, что будет завтра. С одной стороны, если брать просто общество, люди стали толерантнее. Стало больше добрых людей, люди стали больше помогать, принимать других людей, поддерживать их, а не бросать. Но в связи с законом я обращаю внимание, что не всё так радужно.